

ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2025-3-26-41

К. И. Морозова¹*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва (Самара, Россия)*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ»

Статья представляет собой попытку устранения смысловой неопределенности касательно сути понятия «локальный текст», который автор исследования предлагает трактовать как текст, рожденный в границах определенных географических объектов. Однако применительно к литературе важно учитывать, что та или иная локация может влиять на конструирование сюжета художественного текста, а может и ограничиваться лишь обозначением места развития событий. В связи с этим следует дифференцировать тексты на два типа – «акцентуальный локальный текст» (в котором ярко выражена семантическая связь с географическим объектом) и «неакцентуальный локальный текст» (в котором локация выполняет больше декоративную, а не смысловую роль, обозначая лишь место развития событий).

Кроме этого, в статье приводится авторская классификация локальных текстов, состоящая из пяти уровней. Каждый из них последовательно от более общей географической дифференциации к более частной раскрывает специфику локального текста. Так, по мнению автора, можно избежать терминологической путаницы.

Ключевые слова: локальный текст; провинциальный текст; столичный текст; городской текст, волжский текст; метагеография; геопэтика; семантика пространства

K. I. Morozova*Samara National Research University (Samara, Russia)*

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT "LOCAL TEXT"

The article is an attempt to eliminate semantic ambiguity regarding the essence of the concept LOCAL TEXT, suggested by the author for being interpreted as a text born within the boundaries of certain geographical objects. However, with regard to literature, it is important to consider that one or another location may influence the construction of the plot of a literary text, or it may be limited only to the designation of the place of events. In this regard, it is

¹ Ксения Игоревна Морозова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королёва (Самара, Россия). E-mail: morozova.ki@ssau.ru.

necessary to differentiate two types of texts – “accentual local text” (in which the semantic connection with a geographical object is clearly expressed) and “non-accentual local text” (the location plays a decorative rather than a semantic role, designating only the place of events).

In addition, the article presents the author’s classification of local texts, consisting of five levels. Each of them consistently reveals the specifics of the local text from a more general geographical differentiation to a more specific one. This way, according to the author, terminological confusion can be avoided.

Key words: local text; provincial text; metropolitan text; urban text, Volga text; metageography; geopoetics; semantics of space

Сегодня в отечественной гуманитаристике усилился интерес к «локальным культурам» и городским текстам как их составляющим. Все, чем «дышала» и продолжает «дышать» та или иная культура составляет, «локальные тексты». Из них, в свою очередь, соткано огромное полотно всей отечественной культуры. Словно лоскутное одеяло оно объединяет воедино ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи, особенности мышления людей, проживающих в пределах определенных географических локаций. Однако иерархия локальных текстов все еще не выстроена и нуждается в уточнении.

Цель настоящей статьи – дать определение «локальному тексту» и составить классификацию таких текстов – лежит в плоскости теории культурологии. Однако мы будем рассматривать ее больше с точки зрения литературы.

В основе многих современных исследований, посвященных локальному тексту, особое место занимает городской текст. Как отмечает И. О. Приходченко, впервые о существовании локального текста заговорили в рамках становления науки о знаках – семиотики. И в первую очередь, в фокусе внимания исследователей был городской текст (работы Н. П. Анциферова, В. Н. Топорова) [Приходченко, 2023, с. 31].

Исследование городского пространства носит междисциплинарный характер, так как выступает гетерогенным образованием [Медведева, 2022, с. 70]. Оно интересует архитекторов, социологов, психологов, историков, филологов, специалистов в области семиотики и т.д. Мы будем рассматривать локальные тексты, в первую очередь, через призму литературы.

Так, И. Н. Иванова, размышляя о терминологической неоднородности научного поля, сформировавшегося вокруг изучения природного и городского пространства в литературе, отмечает: «В современном культурном пространстве России одним из основных и наиболее перспективных направлений

в гуманитарной области является, на наш взгляд, геопэтика и связанные с нею области научного поиска: гуманитарная география, метагеография (Д. Замятин), “метафизика ландшафта” (В. Подорога) и даже “география смысла жизни” (В. Ерофеев). Можно говорить о складывающемся междисциплинарном исследовательском поле, где в активном диалоге пребывают геополитика, туризм (в первую очередь внутренний), экономика (брендинг территорий), рекламная индустрия, этнография, культурология, “обновленная” география и, конечно, художественная литература и литературоведение» [Иванова, 2015, с. 81].

Наиболее тонкая грань, на наш взгляд, пролегает между понятиями «геопэтика» и «метагеография». Так, геопэтику Д. Н. Замятин определяет как «некий аутопойэсис земного пространства, то есть – видение себя внутри пространства. Ощущение себя не просто внутри некоего места, но попытка войти в какое-то пространство, ощутить свою творческую точку в этом пространстве» [Замятин, 2013, с. 154–155].

Метагеография же, по его мнению, «попытка образного представления и изучения автором различных географических пространств. Земное пространство анализируется и переживается через призму культурных глобальных и цивилизационных процессов» [Замятин, 2008, с. 241].

Таким образом, разница между двумя терминами сводится к тому, в какой форме бытуют ощущения и впечатления от того или иного пространства. Если они замыкаются внутри сознания конкретного человека, то речь – про метагеографию. Если же чувство выплескивается и воплощается с помощью искусства, а именно – литературы, то научное осмысление этого процесса будет лежать в поле геопэтики как области литературоведения, осмысливающей «особенности художественного освоения пространства, взятого в целостности природоведческого и историко-культурного начал и ценностно прочитанного» [Александрова-Осокина, 2020, с. 217].

Однако, по мысли Д. Н. Замятина, наиболее продуктивным для изучения городского текста представляется образно-географический или метагеографический подход. Он сочетает «феноменологические, культурологические и гуманитарно-географические способы анализа текстов и различного рода представлений, выраженных чаще всего теми или иными текстами. Содержательное ядро метагеографического подхода – это выявление, реконструкция метагеографического поля, в котором могут достаточно свободно соединяться и взаимодействовать различные географические образы» [Замятин, 2008, с. 241].

Итак, метагеография «оперирует ментальными образованиями – географическими образами, заранее дистанцируясь от каких-либо возможных интерпретаций и спекуляций, связанных с восприятием и воображением конкретных пространств, мест и территорий» [Замятин, 2008, с. 241].

Однако и с этим термином возникают некоторые сложности, вызванные функционированием в науке созвучного и близкого по значению понятием «метафизика».

Итак, метафизика – раздел философии, занятый поиском «абсолютных начал, нулевых точек отсчета, тем изначальным, раньше которого ничто существовать не может» [Гаспарян, 2014, с. 71], это познание действительности на основе логического мышления. Метагеография исследует связь пространства и сознания, это познание действительности на основе чувственного опыта конкретного человека. Причем одно и то же пространство может восприниматься одним и тем же субъектом по-разному. Например, в детстве город представляется более просторным, а во взрослом возрасте – вполне компактным или даже тесным. На характер восприятия влияют даже настроение и время суток.

Что касается литературы, то, по замечанию С. А. Голубкова, «жизнь писателя – это бесконечный роман с пространством» [Голубков, 2024, с. 62]. И на ощущение пространства влияет баланс внутреннего и внешнего и, конечно же, тип художественного мышления (например, романтику свойственна поэтизация окружающего мира). С ним солидарна и Л. Н. Набилкина, которая считает, что восприятие пространства влияет на тональность текстов [Набилкина, 2024, с. 219].

Отметим, что изменение отношения писателя к пространству актуализирует в его творчестве мотив «свой»-«чужой». Кроме этого накладывает отпечаток и «богатый опыт путешествий» [Голубков, 2024, с. 62]. Литературные путешествия, с одной стороны, выступают метатекстом, а, с другой, способом литературного освоения пространства [Калуцков, 2021, с. 75].

Метагеографический подход применим к любым локальным текстам, самый сложный из которых – городской, так как такое пространство семантически неоднородно.

Городской текст обладает двойственной природой: с одной стороны, он имеет материальную основу (камень, стекло, бетон, мрамор, холст, бумага и т.п.), с другой – духовную (символическое пространство образовано различными коммуникативными системами и знаками) [Кузнецова, Петрулевич, 2019, с. 89].

С. А. Голубков в качестве особенностей городского пространства называет наполненность «предметами искусственного происхождения, <...> здания, дороги, мосты <...> и т.д.» [Голубков, 2010, с. 14]. Собственно, все эти элементы формируют «разные взаимодействующие между собой знаковые системы» [Голубков, 2010, с. 17] и смысловой «портрет» города.

- Мосты и дороги. Они обозначают пространство связи и место встречи.
- Музей и библиотека. Как правило, город живет в трех временных измерениях – прошлом, настоящем и будущем. Так, «музей конденсирует в себе историческую память», а библиотека «осуществляет естественную связь времен» [Голубков, 2010, с. 18–19].
- Городские монументы. Установленные в разные исторические эпохи они наполняют город «концептуальным содержанием» и находятся в постоянном диалоге друг с другом и людьми [Голубков, 2010, с. 19].
- Театр. Эта смысловая доминанта рассматривается достаточно широко: и как вид искусства, и как учреждение. Кроме этого, исследователь говорит о «театре жизни», потому что «житейские уличные сценки <...> напоминают нам о подлинном театре, воистину “растворенном” в самом воздухе городской жизни» [Голубков, 2010, с. 22].
- Университет. Это понятие объединяет в себе три глубоких смысла. Во-первых, это здание, «храм науки», где от человека к человеку передаются знания. Во-вторых, это сами люди, без которых был бы невозможен образовательный процесс, взаимоотношения между ними. Наконец, в-третьих, это глобальное хранилище тех самых знаний, которые выступают как самостоятельный организм – живут, накапливаются, развиваются в библиотеках, архивах, в сознании людей.

На наш взгляд, городская система координат должна быть расширена и включать как улицы и дома, так и сам принцип организации города. Например, Москва имеет радиально-кольцевую планировку, поэтому рисунок на карте очень напоминает годичные кольца. И в этом тоже скрывается глубокий смысл. Город – живой, он растет, развивается, при этом помнит свое прошлое и бережно его хранит. Кроме этого, круг – символ семьи, «доброжелательности, чувствительности, эмпатии, хороших межличностных отношений <...> замыкания, объединения, вселенской гармонии» [Савкова, 2018, с. 407–408]. Так, Москва и внешне, и внутренне отличается от холодного и геометрически строгого Петербурга: «бездушный, казенный, казарменный, официальный, неестественно-регулярный, абстрактный, неуютный, выморочный, нерусский Петербург» [Топоров, 2003, с. 16] и «душевная, семейственно

интимная, патриархальная, уютная, «почвенно-реальная», естественная, русская Москва» [Топоров, 2003, с. 16]. Хотя есть и точка зрения, согласно которой Петербург – «цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город» [Топоров, 2003, с. 16], а Москва – «хаотичная, беспорядочная, противоречащая логике, полуазиатская деревня» [Топоров, 2003, с. 16].

С. А. Голубков поднимает проблему оторванности городского жителя от природы, которая «допущена» в виде «маленького пропыленного скверика или более или менее просторного регулярного парка» [Голубков, 2010, с. 14]. Однако несмотря на это, считаем необходимым в рамках исследования пространства того или иного городского текста все-таки учитывать, пусть и небольшие вкрапления природного мира в урбанистической среде. Исходя из этой логики, в городской текст входит и парковый, и садовый, и водный текст.

В зависимости от доступа к культурным ценностям [Великая, 2021, с. 241], городской текст можно разделить на провинциальный и столичный. По факту, в столичный текст входит текст, рожденный в границах Москвы и Петербурга, тексты же остальных городских пространств – провинциальные.

Как отмечают составители словаря «Русская провинция», сегодня наблюдается не просто смешение понятий «провинциальный текст» и «локальный текст», а их отождествление [Милюгина, Строганов 2012, с. 51]. Одна из причин этой терминологической путаницы – использование в качестве критерия разделения городского текста на провинциальный и локальный семантического сплава «локус-топос». А. А. Кораблев на примере рассмотрения петербургского текста объясняет этот принцип следующим образом: «В классическом произведении локализация обычно условна. Например, Петербург в романе “Евгений Онегин” и Петербург в поэме “Медный всадник” существенно различны: в первом случае это топос, общее место, второй план, фон, декор, условность и т. п., во втором – это локус, именно город Петербург, его возникновение, его бытие, его имманентная эсхатология, его материализованная суть, заключенная в извятии Медного всадника» [Кораблев, 2019, с. 22].

К слову, смысловая неустойчивость наблюдается и в отношении самих терминов «локус» и «топос». Так, О. А. Богданова с опорой на научную работу А. В. Комковой и А. В. Решетовой отмечает, как правило, локус составная часть топоса, обозначающая конкретное место в данном континууме [Богданова, 2019, с. 13]. Сегодня многие ученые сходятся во мнении, что топосы – это, преимущественно, открытые пространства, а локусы – закрытые, ограниченные. И если

топос зачастую выступает как характеристика языка пространственных отношений, пронизывающих художественный текст, то локус отождествляется с определенным образом пространства или территории.

Для нас представляется научно привлекательной точка зрения Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова. Они трактуют провинциальный текст как «выделенную для изучения часть культурного пространства, границы которой определяются ее противопоставленностью столичному локусу (ср. московский текст, петербургский текст)» [Милюгина, Строганов 2012, с. 50]. Следовательно, «семиотика провинциального текста формируется в системе бинарных оппозиций провинция/столица, центр/периферия, мейнстрим/маргинальность» [Милюгина, Строганов 2012, с. 51].

Однако суждение о том, что «любой локальный текст есть в известном смысле “провинциальный” и любой провинциальный текст может приобрести столичный статус при простом переносе столицы из города в город» [Милюгина, Строганов 2012, с. 56] кажется нам не совсем справедливым, поскольку при номинальном переносе провинции в столицу невозможно переместить весь культурно-исторический бэкграунд.

Исходя из трактовки понятия «локальный» (ограниченный определенным местом, не выходящий за известные пределы), любой географический объект, имеющий некоторые границы – локация, а текст, рожденный в этих границах – локальный. Таким образом, с полной уверенностью можем настаивать на актуальности таких терминологических сочетаний, как локальный столичный текст и локальный провинциальный текст. И в этом наша исследовательская позиция полностью совпадает с точкой зрения И. О. Приходченко. Кроме всего прочего, исследователь считает, что локальный текст – «исторически складывающаяся открытая для пополнения парадигма текстов различной жанровой природы, обобщенно репрезентирующая некоторое место (страну, город, регион) в наборе устойчивых образов и мотивов, которые можно обозначить как репрезентативные константы описания места» [Приходченко, 2023, с. 39].

Так, принимая во внимание описанную выше концепцию А. А. Коралева и аргумент И. О. Приходченко, считаем правильным говорить о существовании двух видов локального текста. В первом локация выполняет сюжетобразующую роль (например, в повести Горького «Фома Гордеев»). В самом начале повести писатель говорит о Волге как о человеке, который справляется со своей профессиональной деятельностью на высоком уровне: «Ты гляди, как работает Волга-то!» [Горький 1969, с. 184]. Ниже мы порассу-

ждем о том, насколько Волга включена в сюжет произведения. Но забегая вперед, отметим, что она выступает одним из персонажей.

Во втором – место действия выступает лишь в качестве фона развертывания событий и вовсе не влияет на сюжет (например, роман Тургенева «Отцы и дети»: совершенно неважно, в каком именно имени развиваются события).

Займствуя термин «акцентуация», который давно прижился и в филологии как выделение отдельных фрагментов фразы или части слова, и в психологии в качестве указания на некоторые психологические черты, ярко характеризующие субъект, предлагаем обозначать два типа локального текста как «акцентуальный» и «неакцентуальный». В рамках настоящего исследования нам ближе второе определение.

Так, акцентуальный локальный текст – тот, в котором ярко выражена семантическая связь с географическим объектом. Соответственно, неакцентуальный – тот, в котором географический объект выступает лишь в качестве маркера, обозначающего место действия.

Теперь рассмотрим волжский текст как разновидность локального.

Река – это не просто географический объект, но и градоформирующий элемент [Курочкина, 2025], а также средство связи как в провинциальных городах, так и в столицах. Поэтому речной текст как подтип водного текста входит и в провинциальный городской текст, и в столичный.

Русских литераторов издавна привлекал необозримый простор великой русской реки. Семантика образа Волги «постоянно пополняется и актуализируется» за счет творчества писателей, тонко чувствующих связь человека и природы [Морозова, 2024, с. 102–103]. Например, волжские сюжеты разрабатывали Е. Н. Чириков, А. Н. Толстой [Перепелкин, 2025] и писатель нашего времени А. С. Малиновский. Вообще, первопроходцем в воспевании красот Волги принято считать Н. М. Карамзина. В стихотворении с одноименным названием он не просто описывает глубокую синеву ее вод и живописность ее берегов, но и признается в любви к «священнойшей в мире» реке, возводя ее в статус живого существа.

Рассмотрим некоторые художественные тексты рубежа веков, которые, на наш взгляд, можно в полной мере назвать волжскими.

Образ Волги пронизывает художественный текст практически на всех его уровнях в упомянутом выше произведении Горького и автобиографической

повести Скитальца «Сквозь строй», основу сюжета которой также составляют сложные отношения отца и сына.

Во-первых, собственно, характер этих взаимоотношений и отражает река.

«Быстро несется вниз по течению красивый и сильный “Ермак” <...> и по оба бока его медленно движутся навстречу ему берега Волги, – левый, весь облитый солнцем, стелется вплоть до края небес, как пышный зеленый ковер, а правый взмахнул к небу кручи свои, поросшие лесом, и замер в суровом покое» [Горький 1969, с. 203]. Так, с помощью описания разных берегов, писатель противопоставляет мечтательного юного Фому и его угрюмого и строго отца.

Скиталец же сравнивал саму атмосферу отцово-сыновних отношений с состоянием реки: то затишье, то шторм.

«Я бывал очень счастлив, когда отец позволял мне спать с ним. <...> я радостно прижимался к его широкой груди и требовал рассказов» [Скиталец, 1960].

«Как приятно было бы увидеть его теперь мертвым!.. <...>такого дорогого для меня человека, единственного из людей, кого я до этих пор любил всеми силами своей души» [Скиталец, 1960].

Во-вторых, оба писателя романтизируют и мифологизируют Волгу, расширяя тем самым и усложняя смысловое наполнение пространства.

Например, Горький формировал альтернативную картину мира – сказочную.

«Молча, широко раскрытыми глазами смотрел он на бесконечную панораму берегов, и ему казалось, что он движется по широкой серебряной тропе в те чудесные царства, где живут чародеи и богатыри сказок» [Горький 1969, с. 205].

Скиталец же обращается к реальным или близким к реальности историческим событиям.

«И он стал мне рассказывать о Стеньке Разине. <...> Мятежи, разбои и грозные события вполне соответствовали этой романтической обстановке <...>

– На этом утесе был сложен из камней стул, на стуле сидел Разин и судил ослушников, и бросали их тут же, с горы да в Волгу... <...>» [Скиталец, 1960].

Скиталец, во-первых, показывает процесс рождения сказок, как «важного средства, создающего связь между эпохами»: «известные <...> мифические события, увеличив дополнениями своего времени» [Алекперов, 2020, с. 21] устно передавались от старшего члена семьи к младшему, как это традиционно и происходило. Во-вторых, как сохранение мифического сообщения на материальном носителе (в данном случае – каменные глыбы) способствует расширению семантики пространства, наполняя его новыми смысловыми оттенками.

Важное отличие повести Скитальца в том, что «жизненный ритм» реки ощущается и на уровне хронотопа. Он неравномерен, как и река, зависящая от направления ветра. Например, в первой части повести волна историй из отцовской молодости резко разбивается о события настоящего.

«Рассказывая, отец вновь переживал давно пережитое, голос его звучал задушевной грустью <...>

– Здорово мне влетело за этот колокольчик <...> Мрачные тени и картины прошлого как бы проносились перед нами одна за другой в тихой полумночной темноте...» [Скиталец, 1960].

В общем-то, ретроспективность повествования вполне характерна для жанра автобиографического очерка.

Любопытно, что гусярная мелодия сравнима с волнением речной воды: «А струны журчали, словно весла всплескивали, песня мчалась мерными взмахами» [Крюков, 1912].

Большой интерес с точки зрения изучаемой темы представляет очерк Ф. Д. Крюкова «Без огня». Фабула текста – полилог главных действующих лиц, сопровождающийся неповторимыми красотами. Важно, что Волга наделена не просто декоративной ролью, заключающейся в информировании о месте разворачивания событий произведения. Так, река входит в систему персонажей и принимает активное участие в беседе о свободе и равенстве основ мироздания.

Все, что человека окружает, в том числе и сам человек, создано Богом. Именно поэтому законы устройства мира отражены в Библии. Но человек наделен разумом, поэтому, рождаясь, начинает жить своим умом. В то время как природа продолжает существовать по законам Божьим. Поэтому, чтобы раскрыть характер реки как активного действующего лица в произведении, следует обратиться к Библии, в нашем случае – к Ветхому Завету.

Итак, в нем сказано, что в основе нашего мира лежат четыре стихии – небо, земля, вода и огонь (свет). И только в единстве этих компонентов достигается вселенская гармония.

Каждой из библейских стихий соответствует определенный персонаж очерка Ф. Д. Крюкова. Воду, очевидно, символизирует Волга. Земной стихии принадлежат крестьянин Мещеряков и землевладелец Иван Парменыч, а эфиру (он же – небо) – священник Михаил Кратиров. Примечательно, что в микромире, представленном в очерке «Без огня», как и следует из его названия, стихии огня не хватает («Одно, – огня мало... огня нет!...» [Крюков 1912]). Как нам кажется, в отсутствии этого фундаментального элемента причина несовершенства изображенного художественного мира.

Таким образом, нам представляется правильным, называть волжским только тот текст, в котором образ Волги играет сюжетобразующую роль [Морозова, 2023, с. 40] (по аналогии с акцентуальным локальным и просто локальным текстами).

Итак, с точки зрения семиотики «текст» – понятие, имеющие широкое толкование (по сути, все, что нас окружает, есть текст). Поэтому локальный текст – явление, которое находится на пересечении многих областей знания. Мы же изучаем его с точки зрения литературы.

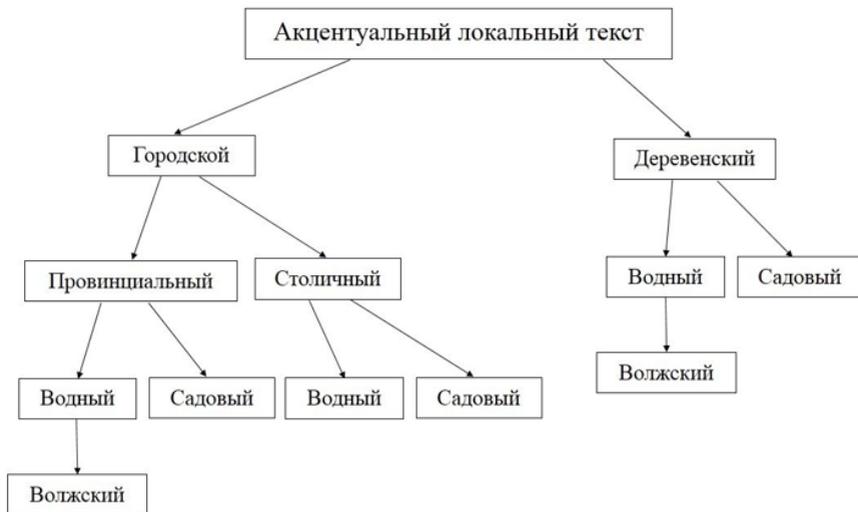
В настоящей статье мы приходим к следующим основным выводам.

Во-первых, считаем необходимым разграничивать тексты, в которых локация выполняет лишь топографическую функцию, уточняя место развития событий, выстраивающих фабулу, и в которых является своеобразным камертоном, задающим определенный тон сюжету, вплетая в него дополнительные значения, расширяющие художественное поле произведения. Для этого вводим такие термины как неакцентуальный и акцентуальный локальные тексты.

Во-вторых, придерживаемся той точки зрения, согласно которой локальный и провинциальный текст не должны выступать взаимозаменяемыми понятиями. Следует выделять локальный провинциальный текст и локальный столичный текст. Главное отличие между ними – сложность семантического поля. Столичный текст консолидирует больше элементов, образующих культурную среду.

К слову, дальнейшее деление текстов тоже будет происходить, исходя из этой логики, то есть мы будем рассматривать только те, в которых локация выступает сюжетоформирующим элементом

В-третьих, предлагаем пятиуровневую типологию локальных текстов (схема 1), где акцентуальный локальный текст может быть городским и деревенским. Первый делится на столичный и провинциальный. Каждый из этих типов в зависимости от географических объектов, задающих специфику локации, классифицируется на водный, садовый, парковый и т.д. Такое же разделение характерно и для деревенского текста. Водный, в свою очередь, включает волжский текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алекперов, Я. Х.** Трансформация мифа в сказки / Я. Х. Алекперов // Филология сериясы. – 2020. – № 1. – С. 19–34.
2. **Александрова-Осокина, О. Н.** Вопросы геоэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 216–241.
3. **Богданова, О. А.** Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / О. А. Богданова. – Москва: ИМЛИ РАН, 2019. – 288 с.
4. **Великая, Н. М.** Культурное развитие малых и средних городов России как фактор сохранения национальной идентичности / Н. М. Великая // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 240–253.
5. **Гаспарян, Д. Э.** Есть ли в философии различия своя метафизика: Ж. Делёз и Ж. Деррида / Д. Э. Гаспарян // Философские науки. – 2014. – № 9. – С. 71–85.

6. **Голубков, С. А.** Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века: учебное пособие / С. А. Голубков. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2010. – 167 с.
7. **Голубков, С. А.** Горизонты пространственного мировидения писателя Н. Г. Гарина-Михайловского / С. А. Голубков // Семиотические исследования. – 2022. – Т. 2. – № 2. – С. 61–68.
8. **Горький, М.** Фома Гордеев / М. Горький // Полное собрание сочинений: в 25 т. Т. 4. «Фома Гордеев», рассказы, очерки, наброски, стихи 1897–1899 / М. Горький. – Москва: Наука, 1969. – С. 179–461.
9. **Замятин, Д. Н.** Географические образы и цивилизационная идентичность России: метаморфозы пространства в «Скифах» Александра Блока / Д. Н. Замятин // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008. – С. 237–255.
10. **Замятин, Д. Н.** Метагеография и геопэтика / Д. Н. Замятин // Введение в геопэтику. Антология / сост. И. Сид; науч. ред. Е. Дайс. – Москва: Арт-Хаус медиа; Крымский клуб, 2013. – С. 154–157.
11. **Замятин, Д. Н.** Метагеография: пространство образов и образы пространства / Дмитрий Замятин. – Москва: Аграф, 2004. – 506 с.
12. **Иванова, И. Н.** Геопэтика новейшей отечественной литературы: опыты художественного освоения городского пространства / И. Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8. – Ч. 2. – С. 80–85.
13. **Калуцков, В. Н.** Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А. П. Чехова (на материале очерков А. П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) / В. Н. Калуцков // Гуманитарная география. – 2021. – № 3. – С. 74–91.
14. **Кораблев, А. А.** Онтология и аспектология локальных текстов // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / Н. Е. Тропкина. – Волгоград: Научное изд-во ВГСПУ «Перемена», 2019. – С. 20–27.
15. **Крюков, Ф. Д.** Без огня / Ф. Д. Крюков // Русское Богатство». – 1912. – № 12. – URL: http://www.fedor-krjukov.narod.ru/proza/Bez_ognya.htm (2.02.2025).
16. **Кузнецова, А. В.** Городской текст: семиозис культурного кода / А. В. Кузнецов, И. А. Петрулевич // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 11. – С. 89–95.

17. **Курочкина, В. А.** Водные объекты как основа организации открытых общественных пространств и инструмент трансформации урбосистем / В. А. Курочкина // Вестник Евразийской науки. – 2020. – №5. – URL: <https://esj.today/PDF/63SAVN520.pdf> (15.05.2025).

18. **Медведева, Е. В.** От города-сада к городу-парку: о функционировании урбанистической метафоры в тексте города / Е. В. Медведева // Вестник Московского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 1. – С. 68–78.

19. **Милогина, Е. Г.** Текст пространства. Фрагменты из словаря «Русская провинция». Часть 2 / Е. Г. Милогина, М. В. Строганов // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 33–74.

20. **Морозова, К. И.** Волжский текст: по течению к определению / К. И. Морозова // Семиотические исследования. – 2023. – Т. 3. – № 2. – С. 38–45

21. **Морозова, К. И.** Волжский текст А. С. Малиновского / К. И. Морозова // Экология души: Литературный сборник. – 2024. – С. 101–108.

22. **Набилкина, Л. Н.** Городской текст как феномен культуры // Культура и цивилизация. – 2024. – Т. 14. – № 2А. – С. 219–224.

23. **Перепелкин, М. А.** Волжский сюжет в творчестве Е. Н. Чирикова и А. Н. Толстого / М. А. Перепелкин // Studia Litterarum. – 2025. – Т. 10. – № 2. – С. 268–287.

24. **Приходченко, И. О.** Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения / И. О. Приходченко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 17. – № 1. – С. 30–42.

25. **Савкова, Н. В.** Символика круга в архитектурной среде / Н. В. Савкова // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ, 2018. – Т. 1. – С. 406–412.

26. **Скиталец.** Сквозь строй / Скиталец // Повести и рассказы. Воспоминания; сост., подгот. текста и предисл. А. Трегубова. – Москва: Моск. рабочий, 1960. – URL: http://az.lib.ru/s/skitalec/text_1902_skvoz_stroy.shtml (2.03.2025).

27. **Топоров, В. Н.** Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – Санкт-Петербург: Искусство, 2003. – 616 с.

REFERENCES

1. **Alekperov, Ya. H.** Transformaciya mifa v skazki // Filologiya seriyasy. – 2020. – № 1. – S. 19–34.

2. **Aleksandrova-Osokina, O. N.** Voprosy geopoetiki v sovremennom literaturovedenii // Nauchnyj dialog. – 2020. – № 5. – S. 216–241.

3. **Bogdanova, O. A.** Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya: Monografiya / E. E. Dmitrieva. – Moskva : IMLI RAN, 2019. – 288 s.
4. **Gasparyan, D. E.** Est' li v filosofii razlichiya svoya metafizika: Zh. Delyoz i Zh. Derrida // Filosofskie nauki. – 2014. – № 9. – S. 71–85.
5. **Golubkov, S. A.** Semantika i metafizika goroda: «gorodskoj tekst» v russkoj literature XX veka: uchebnoe posobie / S. A. Golubkov. – Samara : Izdatel'stvo «Samarskij universitet», 2010. – 167 s.
6. **Golubkov, S. A.** Gorizonty prostranstvennogo mirovideniya pisatelya N. G. Garina-Mihajlovskogo // Semioticheskie issledovaniya. – 2022. – T. 2. – № 2. – S. 61–68.
7. **Gor'kij, M.** Foma Gordeev // Polnoe sobranie sochinenij: v 25 t. T. 4. «Foma Gordeev», rasskazy, ocherki, nabroski, stihi 1897–1899 / M. Gor'kij. – Moskva : Nauka, 1969. – S. 179–461.
8. **Ivanova, I. N.** Geopoetika novejshej otechestvennoj literatury: opyty hudozhestvennogo osvoeniya gorodskogo prostranstva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 8. – Ch. 2. – S. 80–85.
9. **Kaluckov, V. N.** Yuzhanin v Sibiri: literaturno-geograficheskoe issledovanie puteshestviya A. P. Chekhova (na materiale ocherkov A. P. Chekhova «Iz Sibiri» i ego putevyh pisem) // Gumanitarnaya geografiya. – 2021. – № 3. – S. 74–91.
10. **Korablev, A. A.** Ontologiya i aspektologiya lokal'nyh tekstov // Vostok – Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klоре: sb. nauch. st. k 70-letiyu prof. A. H. Gol'denberga / N. E. Tropkina. – Volgograd : Nauchnoe izd-vo VGSPU «Peremena», 2019. – S. 20–27.
11. **Kryukov, F. D.** Bez ognya // Russkoe Bogatstvo». – 1912. – № 12. – URL: http://www.fedor-krjukov.narod.ru/proza/Bez_ognya.htm (2.02.2025).
12. **Kuznecova, A. V.** Petrulevich I. A. Gorodskoj tekst: semiozis kul'turnogo koda // Social'no-gumanitarnye znaniya. – 2019. – № 11. – S. 89–95.
13. **Kurochkina, V. A.** Vodnye ob'ekty kak osnova organizacii otkrytyh obshchestvennyh prostranstv i instrument transformacii urbosistem // Vestnik Evrazijskoj nauki. – 2020. – №5. – URL: <https://esj.today/PDF/63SAVN520.pdf> (15.05.2025).
14. **Medvedeva, E. V.** Ot goroda-sada k gorodu-parku: o funkcionirovanii urbanisticheskoy metafory v tekste goroda // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2022. – № 1. – S. 68–78.
15. **Milyugina, E. G.** Tekst prostranstva. Fragmentsy iz slovarya «Russkaya provinciya». Chast' 2 / E. G. Milyugina, M. V. Stroganov // Labirint: zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. – 2012. – № 3. – S. 33–74.

16. **Morozova, K. I.** Volzhskij tekst: po techeniyu k opredeleniyu / K. I. Morozova // Semioticheskie issledovaniya. – 2023. – T. 3. – № 2. – S. 38–45.
17. **Morozova, K. I.** Volzhskij tekst A. S. Malinovskogo / K. I. Morozova // Ekologiya dushi: Literaturnyj sbornik. – 2024. – S. 101–108.
18. **Nabilkina, L. N.** Gorodskoj tekst kak fenomen kul'tury / L. N. Nabilkina // Kul'tura i civilizaciya. – 2024. – T.14. – № 2A. – S. 219–224.
19. **Perepelkin, M. A.** Volzhskij syuzhet v tvorchestve E. N. Chirikova i A. N. Tolstogo / M. A. Perepelkin // Studia Litterarum. – 2025. – T. 10. – № 2. – S. 268–287.
20. **Prihodchenko, I. O.** Lokal'nyj tekst provincial'noj literatury: k voprosu ob opredelenii ponyatiya i istorii izucheniya / I. O. Prihodchenko // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. – 2023. – T. 17. – № 1. – S. 30–42.
21. **Savkova, N. V.** Simvolika kruga v arhitekturnoj srede / N. V. Savkova // Novye idei novogo vekam: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii FAD TOGU, 2018. – T. 1. – S. 406–412.
22. **Skitalec.** Skvoz' stroj / Skitalec // Povesti i rasskazy. Vospominaniya; sost., podgot. teksta i predisl. A. Tregubova. – Moskva: Mosk. rabochij, 1960. – URL: http://az.lib.ru/s/skitalec/text_1902_skvoz_stroy.shtml (2.03.2025).
23. **Toporov, V. N.** Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy / V. N. Toporov. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo, 2003. – 616 s.
24. **Velikaya, N. M.** Kul'turnoe razvitie malyh i srednih gorodov Rossii kak faktor sohraneniya nacional'noj identichnosti / N. M. Velikaya // Observatoriya kul'tury. – 2021. – T. 18. – № 3. – S. 240–253.
25. **Zamyatin, D. N.** Geograficheskie obrazy i civilizacionnaya identichnost' Rossii: metamorfozy prostranstva v «Skifah» Aleksandra Bloka / D. N. Zamyatin // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2008. – S. 237–255.
26. **Zamyatin, D. N.** Metageografiya i geopoetika / D. N. Zamyatin // Vvedenie v geopoetiku. Antologiya / sost. I. Sid; nauch. red. E. Dajs. – Moskva: ArtHaus media; Krymskij klub, 2013. – C. 154–157.
27. **Zamyatin, D. N.** Metageografiya: prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva / Dmitrij Zamyatin. – Moskva: Agraf, 2004. – 506 s.